

Первый мир

В ушах смутно зазвучали буддийские песнопения, отчего его и без того спокойные мысли стали еще безмятежнее, и даже возникло непреодолимое желание погрузиться в сон...

Сон? Шан Сююнь резко распахнул глаза, и в их глубине мелькнул острый, пронзительный взгляд. Буддийские песнопения? Неужели кто-то обнаружил его присутствие и хочет отправить его душу на перерождение?

Он уже давно мертв, и если снова уснет, то наверняка уже никогда не проснется. Или же, проснувшись, он, пожалуй, вступит в круговорот перерождений и перестанет быть собой. Верно, Шан Сююнь умер еще тысячу лет назад, но по какой-то причине так и не смог войти в сансару, оказавшись привязанным к месту нахождения своей кенотафии.

Он был похож на то, что в народе называют Духом, привязанным к земле, с той лишь разницей, что подобные духи застревают на одном месте из-за неисполненного желания. У него же никаких желаний не было. А порожденная смертью обида уже давно развеялась под воздействием времени.

При жизни его всегда учили искусству спасения людей и врачевания, а также воспитывали в нем благородное сердце, радеющее за весь мир. Однако в конце концов он был разорван на куски, и в могиле смогли похоронить лишь его разбитые одежды. Дружбу и любовь он за всю жизнь разглядел предельно ясно.

Эта жизнь прошла в спешке и суете. Когда обида рассеялась, осталось лишь глубокое недовольство собой. Это он не сумел распознать людей и спасал недостойных. В этом мире, конечно, есть миллионы невинных, но хватает и тех, кто поистине заслуживает смерти. Милосердие врача безгранично, но оно не должно распространяться на всех подряд.

Если бы это произошло несколько сотен лет назад, он, пожалуй, еще мечтал бы о перерождении, но теперь он считал, что забыть все и начать заново после реинкарнации — куда худший вариант, чем оставаться вот так, сторонним наблюдателем.

На красивом лице отчетливо сузились ясные зрачки, веки слегка опустились, скрывая бушующие эмоции. Лишь едва дрожащие ресницы выдавали то, что его душевное состояние было далеко от покоя. Он отчетливо видел окружающие его строения — это были вовсе не современные дома из кирпича правильной формы, и в них не было тех привычных ему за последние сто лет врачей и медсестер в белых халатах...

Постройки перед ним больше напоминали те, что существовали тысячу лет назад, когда он еще был жив. Воздух наполняла свежесть, переплетающаяся с ароматами молодой травы и цветов. Это был запах, с которым он расстался тысячелетие назад. И хотя он искренне верил, что его сердце давно превратилось в стоячую воду, это все же затронуло его струны души.

Будучи душой, он утратил все чувства, кроме сохранившегося зрения. Если бы не привычка с малых лет в одиночку постигать медицинское искусство и постоянное появление новых медицинских открытий, которые он изучал на протяжении тысячи лет, мир, где можно только смотреть, но нельзя слышать, обонять и осязать, давно бы свел его с ума. Теперь всё это вновь принадлежало ему, и потому вопрос о том, как именно он здесь оказался, казалось, уже не имел прежнего значения. Куда важнее было понять: как ему выжить? Кем был прежний хозяин этого тела? Хотя в сверхъестественное люди верили неохотно и заметить подвох могли едва ли, вокруг всегда хватало подозрительных личностей.

Шан Сююнь поднялся на ноги и одернул полы одежды. Чуть пожелтевшая от времени ткань ясно говорила о том, что её владелец жил небогато. Отчетливая санскритская вышивка на воротнике и не стихавший за окном колокольный звон позволили ему сделать первые выводы о личности обладателя этого тела. Мужчина, способный носить монашеские одежды в стенах обители, мог быть либо монахом, либо мирским учеником. Однако длинные волосы, достигающие поясицы, не оставляли сомнений — перед ним не монах.

Он собирался осмотреть вещи в комнате, надеясь получше узнать привычки хозяина, но замер перед лежащим на столе нефритовым цзыпеем, не в силах отвести взгляд. Этот амулет был до боли похож на тот, что когда-то носил он сам. Только прежний кусок нефрита давным-давно разлетелся на мелкие осколки, разбитый молодой девушкой — во имя так называемой любви.

Его пальцы коснулись нефрита, и прохладный гладкий камень отозвался смертоносным, пугающе знакомым теплом. В голове внезапно кольнула острая боль, отчего лицо Шан Сююня мгновенно побледнело. Когда приступ отступил, он снова взглянул на свою ладонь — там не было ничего.

Теперь ему уже не нужно было с опаской разглядывать убранство комнаты, пытаясь угадать характер владельца. В его сознании проступил сюжет одного романа, но он не мог сохранить то праздное любопытство, с которым обычно читал истории вместе со своими пациентами. Он сам... тоже стал действующим лицом этой книги.

Глава Демонического культа Янь Чжи воспитывал двоих сыновей: старшего Янь Луна и младшего Янь Шэна. Старший обладал выдающимся боевым мастерством и уже в юные годы был способен удерживать на своих плечах весь Демонический Дворец, пользуясь огромным авторитетом. Младший же, казалось, с малых лет не интересовался боевыми искусствами, предпочитая им еретические пути. Но поскольку он был мал, отец и брат баловали его. Лишь когда Янь Лун бросил его в темницу и превратил в человеческую свинью, он узнал, что этот «младший брат» на самом деле был ему сводным. Более того, именно он был плодом любви их отца и его истинной избранницы.

Усердно постигаемое им некогда сокровище — тайное руководство Демонического культа — на деле оказалось лишь техникой поглощения инь/ян для сосудов. Сколько бы он ни тренировался, всё нажитое им неизбежно переходило к тому «хозяину», который практиковал эту технику. Впрочем, он был далеко не единственным, кто упражнялся в подобном тайном искусстве.

Однако, судя по всплывшей в памяти истории, главным героем здесь был вовсе не Янь Шэн. Главным героем являлся Янь Лун — тот самый, кого замучили до смерти и кто вернулся к жизни, движимый жаждой мести. Возродившись, Янь Лун безжалостно убил отца и брата, проявив поистине жуткую жестокость. Его непревзойденное мастерство и ледяное, безжалостное сердце стяжали ему глубокое уважение всех адептов демонического пути.

Праведные секты боевых искусств, разумеется, испробовали все возможные способы, чтобы уничтожить его, но неизбежно терпели сокрушительное поражение. Если чьи-то способности превосходят остальных лишь немного, это вызывает лишь желание устранить смельчака; но если этот разрыв становится слишком велик, у людей исчезает даже мысль об убийстве — остается лишь первобытный страх.

Янь Лун, начавший всё сначала, конечно же, прекрасно владел искусством дипломатии и хитрости — всё зависело лишь от его желания. Он укротил буйный нрав учеников Демонического культа, и дурная слава секты в этом мире постепенно сошла на нет, благодаря чему он вполне закономерно стал невенчанным королем мира Цзянху.

Тело, которым теперь пользовался Шан Сююнь, звали Чжун Юнь. Будучи учеником буддийской обители, он, по идее, не должен был иметь никаких связей с Демоническим культом. Однако и до перерождения Янь Луна, и после него Чжун Юнь был с ним знаком.

До своего возрождения Чжун Юнь несколько раз помогал Янь Луну, даже не догадываясь о его истинном происхождении, и некоторое время тот считал его своим ближайшим другом. Но в самый критический момент Чжун Юнь, разделяя понятия праведности и зла, не протянул ему руку помощи. Жизнь Чжун Юня можно было назвать идеальной: он женился на девушке, с которой мечтал прожить всю жизнь, и снискал себе громкое доброе имя.

В юности Чжун Юнь спас одну девушку и пообещал разделить с ней судьбу. Ради этого он даже отказался от возможности изучать высшие боевые искусства Шаолиня, отпустил волосы и вернулся в мирскую жизнь. В прошлой жизни эта женщина почти не пересекалась с Янь Луном, но после его возрождения она стала одной из его жен. Пытаться отнять женщину у главного героя — разумеется, ничем хорошим это кончиться не могло.

Концом Чжун Юня стала мучительная смерть от мириадом ядов, пронизывавших его тело, — яды терзали его медленно и неотвратно. Причем смертельный удар нанесла именно та, кого он любил всем сердцем. Сам же Янь Лун стоял рядом и наблюдал за этим зрелищем, как за прекрасным представлением.

Шан Сююнь уже успел изучить воспоминания этого тела. Чжун Юнь некоторое время странствовал в низовьях рек и гор, а в обитель вернулся залечивать раны, еще не успев познакомиться с Янь Луном. Похоже, Янь Лун в данный момент был полностью поглощен разборками с отцом и братом в Демоническом культе и пока не имел времени искать встреч с Чжун Юнем. Для него самого это была не самая хорошая новость, но и худшей её назвать было нельзя.

Шан Сююнь встал перед бронзовым зеркалом и внимательно оглядел свое новое отражение. По сравнению с его прежним телом, в этом лице было меньше суровой отстраненности от мира и гораздо больше теплоты и мягкости. Прямо как у прежнего Чжун Юня, уголки его губ трогала утонченная, мягкая улыбка. Благородный муж, чистый и сияющий, как нефрит — поистине всё было именно так. Безупречная репутация Чжун Юня среди адептов праведного пути во многом держалась именно на этом приятном лице. Просто та пара манящих персиковых глаз слегка прищурилась; из-за ранений бледное лицо казалось довольно хрупким, что скрывало изрядную долю зловещей ауры. Впрочем, полностью сбросить со счетов эту злую и буйную энергию всё равно не удавалось...

Шан Сююнь был вполне доволен этим телом. Толкнув дверь комнаты и полагаясь на память, он направился к жилищу старейшины-Защитника Дхармы — Ляоу, с которым у него были самые близкие отношения в этом монастыре.

Стоя у дверей кельи старейшины, он смутно слышал доносившиеся изнутри звуки деревянной рыбы. Они отчасти напоминали те буддийские песнопения, что он слышал перед тем, как окончательно прийти в себя. Вот только вряд ли какой-нибудь настоятель стал бы тратить время на чтение сутр в его комнате — думается, эти звуки служили лишь способом вернуть его к жизни.

Поколебавшись долгое время перед входом, он наконец толкнул дверь и вошёл внутрь.

— Цзы Цзюэ, ты ранен, почему бы тебе как следует не отдохнуть?

Чжун Юнь, монашеское имя: Цзы Цзюэ.

Старейшина Ляоу как раз закончил читать текст писания и, завершив его словом «Амитабха», довольно посмотрел на Цзы Цзюэ. Младший, сумевший вовремя войти в келью, естественно, питал достаточное уважение к Будде. Природу Будды в Цзы Цзюэ он, конечно же, знал: с тех пор как привёл этого ребёнка в Храм Шаолинь, и до того дня, как тот превратился в изящного юношу, он был знаком с ним до мельчайших деталей. Только вот незадача — мирянам было не дано постичь высшее боевое искусство Храма Шаолинь. К тому же Цзы Цзюэ никак не мог отпустить мирские чувства.

В этом необъятном пыльном мире ему, пожалуй, было суждено увязнуть в мирской суете, не имея истинной связи с этой обителью, отрешенной от земных дел. Старейшина Ляоу невольно вздохнул про себя.

— Старейшина Ляоу, ученик пришёл к вам с надеждой, что вы сможете провести для него церемонию пострижения в монахи. — На лице Шан Сююня мелькнуло мимолётное колебание, но куда сильнее проступило облегчение. В его персиковых глазах, обычно всегда искрившихся улыбкой, появилась твёрдость, словно в одно мгновение он повзрослел.

— Знает ли Цзы Цзюэ, что если мирские узы не разорваны, то насильственный уход из мира — это проявление неуважения к Будде? — Лицо Ляоу стало ещё суровее, в его взгляде

поубавилось привычной мягкости и проступила даже некоторая острота, когда он окинул оценкой лицо Шан Сююня.

— Ученик знает. Всё, что делает ученик, не противоречит ни небу, ни земле. — Шан Сююнь по-прежнему держался непринуждённо, и твёрдость в его глазах легко могла растопить чьё угодно сердце. Шан Сююнь протянул руку, перекинул длинные волосы на грудь и одним движением срезал их ножом под корень. После этого он положил лезвие перед собой, опустился на колени и поклонился перед статуей Будды.

Хотя у Шан Сююня и оставались воспоминания Чжун Юня, у него совершенно не было привязанности Чжун Юня к той девушке. Для него боевые искусства Шаолиня, передававшиеся из поколения в поколение бог весть сколько лет, казались куда важнее женской красоты. Пережив смерть однажды, он испытывал невообразимую тягу к способности защитить себя.

Ощущая жгучую боль от выжигания на макушке отметин послушника, Шан Сююнь сложил руки на груди. Его лицо выглядело исключительно чистым и благочестивым. И лишь одному ему было ведомо, что верил он вовсе не в тех богов и Будд, что вкушали людские жертвы перед ним...

А в его сердце была высечена лишь пара иероглифов из читаемой им сутры — «выжить».

...

Первый мир

Шан Сююнь совершенно не обращал внимания на струившийся по телу пот — перед его глазами раскачивался лишь непрерывно движущийся мешок с песком. Слегка прищурив глаза, он тонко улавливал малейшие звуки. Каждый удар кулаком точно поражал цель. В боевых искусствах Шаолиня не было излишне вычурных движений, преобладала прямая и непосредственная атака. Базовые грубые приёмы, освоенные за десяток с лишним лет пребывания в качестве ученика-мирянина, значительно облегчили ему дальнейшее изучение боевых искусств.

Ученикам-мирянам Храма Шаолинь и впрямь не позволялось постигать высшие боевые искусства обители, однако эти простейшие навыки заложили прекрасный фундамент для освоения других техник.

В Храм Шаолинь приходило множество юношей; в детстве они, разумеется, не делали различий между мирянами и монахами, относясь ко всем одинаково. Естественно, большинство этих мальчишек выбирало путь монахов, и Цзы Цзюэ среди обитателей Храма Шаолиня был белой вороной. В конце концов... мало кто мог похвастаться такой не по годам развитой зрелостью, как он.

Внезапно раздался гул колокола, способный раскатиться по всему Храму Шаолинь; по сравнению с обычным звоном этот звучал куда более тревожно и поспешно. Шан Сююнь взял полотенце и вытер пот с тела. Приведя себя в порядок, он набросил на плечи полинялую монашескую рясу, скрывшую идеальные рельефы его мускулов.

Его переход от ученика-мирянина к полноправному монаху Храма Шаолинь не принёс больших перемен в привычный уклад жизни. Дни по-прежнему состояли из чтения сутр и тренировок — то, что казалось ему предельно наполненным, в глазах иных людей выглядело сущим однообразием. Именно поэтому Храм Шаолинь с определённой периодичностью отправлял некоторых учеников спуститься с горы. Выросшим в стенах монастыря монахам было невыносимо трудно привыкнуть к суете и шуму мирской жизни.

Разумеется, находились и те, кто уходил навсегда, после чего их имена вычеркивали из списков Шаолиня. Далеко не все были способны искренне отдать все помыслы служению богам и Будде; чаще они просто привыкли находиться возле изваяний, продолжая тосковать по внешнему миру.

Шан Сююнь действовал без малейшего промедления. Оказавшись на тренировочной площади, он увидел ряды застывших в тишине и безмолвии монахов. У самого края столь же дисциплинированно выстроились ученики-миряны. Выбрав свободное место, он встал, сложив руки на груди, а мыслями проверял, привыкло ли его тело к изученным за день боевым приёмам.

В голове непрерывным потоком проносились медицинские знания и каждое отдельное движение боевых искусств. Порой строение человеческого тела позволяло ему даже заметить несовершенства в приёмах и внести собственные улучшения. Впрочем, такое случалось нечасто — в конце концов, кунг-фу Храма Шаолиня оттачивалось бесчисленными поколениями предшественников.

— Сегодня мы созвали всех вас из-за дел Демонического культа, — старейшина Ляоу бросил взгляд на настоятеля мастера Ляо Юаня и, дождавшись его одобрительного кивка, продолжил: — Демонический культ вечно творит бесчинства в боевых кругах Центрального равнины. На этот раз среди них началась междоусобная резня, и адепты праведного пути сочли это прекрасной возможностью: они созывают Собрание боевых искусств, чтобы единым ударом уничтожить Демонический культ.

— Ами табха, — мастер Ляо Юань невольно сложил руки. — Наш Шаолинь — глава пяти великих школ Центрального равнина, и мы, разумеется, не можем оставаться в стороне. Старейшина Ляоу представит Храм Шаолинь на совместном обсуждении великого дела с остальными сектами. Если кто-то из вас желает искоренить демонов и защитить справедливость, можете заявить об этом своему дяде Ляоу.

Закончив говорить, настоятель Ляо Юань повернулся и зашагал обратно в келью, где они распевали сутры — судя по всему, собиравшись продолжить чтение священных текстов. Искоренение демонов или защита справедливости неминуемо обагрят руки кровью. Для тех, кто по-настоящему стремился к Будде, это всегда оставалось грехом. Но, оказавшись в Цзянху

и возглавляя пять великих школ, Храм Шаолинь никак не мог остаться в стороне.

Шан Сююнь разомкнул сложенные на груди руки и повернулся, собираясь уйти — очевидно, связываться во всё это он не планировал. В первоначальном сюжете это событие тоже описывалось: все искренне верили, что после внутренней смуты в Демоническом культе настал идеальный момент для его полного искоренения. Но они не знали, что Янь Лун, поглотивший внутреннюю силу как Янь Чжи, так и предназначенного для Янь Шэна сосуда, стал ещё могущественнее собственного отца.

Более того, именно в тот момент, когда он уже был близок к тому, чтобы сойти с ума от искажения ци, эти праведники внезапно ворвались внутрь, предоставив ему выход для накопившейся ярости и заложив основу для его положения и авторитета в Демоническом культе.

Не будь этих людей с праведного пути, Янь Лун, возможно, и сам бы уничтожил весь Демонический культ. Но сослагательного наклонения не существовало...

Сделав несколько шагов, Шан Сююнь продолжил путь. Предприятие предстояло крайне опасное, и, скорее всего, большинство из тех, кто жаждал искоренить демонов и прославиться в боевых кругах, ждала гибель. Но какое ему до этого дело? Сейчас для него было величайшим счастьем просто уберечь собственную жизнь. Что же до старейшины Ляоу, который так тепло относился к Чжун Юню — его боевых навыков должно хватить, чтобы выйти сухим из воды.

— Цзы Цзюэ, — старейшина Ляоу, разумеется, заметил фигуру Чжун Юня и, бросив взгляд на его поступи, ставшую заметно свободнее, чем обычно, мысленно кивнул. Очевидно, за последнее время его боевые искусства значительно продвинулись вперед — поистине прекрасный материал для тренировок. И пусть он поздно прикоснулся к высшим техникам, к счастью, фундамент оказался прочным. Пройдет еще три-пять лет, и он непременно станет силой, с которой придется считаться.

— Старейшина Ляоу, — Шан Сююнь обернулся, сложил руки и слегка согнул в пояснице, изобразив на лице в меру озадаченное выражение.

— В этот раз ты спустишься с горы вместе со мной набраться опыта, — подумав о том, чем еще он может наставить Цзы Цзюэ, произнес старейшина Ляоу. Разумеется, он искренне желал, чтобы этот приглянувшийся ему младший ученик избежал лишних ошибок на пути боевых искусств.

— Но... — Шан Сююнь задумчиво примолк. Хотя в тексте оригинала не уточнялось, следовал ли Шан Сююнь за всеми на ту «акцию по искоренению демонов» боевых кругов Центрального равнина, рисковать он не собирался.

Если пролистать всю историю целиком, движений со стороны центральных сект было немало. Вот только на сцене Чжун Юнь появляется лишь тогда, когда его богиня уже запутывается в отношениях с переродившимся Янь Луном. Он ценой собственной жизни помог этой богине

стать одной из жен Янь Луна.

Подняв взгляд и встретившись со взглядом старейшины Ляоу, Шан Сююнь опустил голову:

— Ученик пойдет собирать вещи.

Шан Сююнь вовсе не растаял от старческой заботы — в его прошлой жизни наставник был к нему ещё добрее и даже относился как к родному сыну. «Врач должен спасать мир и живые существа, не думая о личной выгоде», — вот чему тот учил его личным примером. Только вот оба они следовали одним и тем же жизненным принципам, а вот исходы оказались совершенно разными.

У него была сильнейшая прививка от доброты окружающих, и если он не стал отказываться от предложения старейшины Ляоу, то лишь потому, что заметил в глазах того довольство. Заручиться благосклонностью старшего наставника Шаолиня — о таком нынешний он мог только мечтать. В самом же Храме Шаолинь обучавшие боевым искусствам монахи относились ко всем одинаково бездушно, естественно, не делаясь глубокими личными озарениями от владения техникой.

<http://bllate.org/book/21693/2237484>